

татьяна **Б**атенёва
женский детектив
ЗОЛОТАЯ ЛОВУШКА

А это называется растяжка.
Задавать нельзя — будет
взрыв.

Татьяна А. Батенёва

Золотая ловушка

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589935*

*Золотая ловушка: Центрполиграф; М.; 2010
ISBN 978-5-9524-4802-5*

Аннотация

Журналистка Маша Зотова сопровождает Андреаса Берга, работающего в журнале «Интернэшнл джиографик», на Курилы. Командировка обычная, но это хороший повод отвлечься от тоски по ушедшему мужу. Берг очень любопытен и активно исследует все местные достопримечательности. Однажды они отправились в пещеры, к так называемым Императорским ваннам. Там Маша нашла странный камень, оказавшийся золотым слитком. Постепенно журналисты понимают, что оказались причастны к темной истории, в результате которой уже погиб человек...

Татьяна Батенёва

Золотая ловушка

*Все персонажи и сюжет придуманы автором.
Любые совпадения с реальными людьми и
событиями являются чистой случайностью.*

Я лечу. Лечу медленно, плавно, раскинув руки и ноги в восходящих воздушных потоках. Подо мной сумасшедший ковер осенней тайги – красное, рыжее и темно-зеленое. Кое-где пронзительно-синие озера, как драгоценные камни в оправе темного золота. Так, поднять правую руку, чтобы сделать кувырок влево, развернуться...

Там-та-рам, та-ра-ра-рам! – какой дурак додумался поставить плясовую на телефонный будильник? Какой дурак... Ах да, теперь вопрос задавать некому. Дурак собрал манатки и ушел навеки, строить новое счастье. Старое надоело. Так и сказал: мне это счастье надоело! И какое может быть счастье с женщиной, которой никогда нет дома?

Так что вставай, подруга. Надо как-то начинать день. Сто двадцать второй после ухода дурака с манатками и семью годами твоей жизни, уложенными в чемодан на колесиках.

Семь лет просыпаться от того, что он соловьем насвистывает в душе. Просыпаться, вставать, варить кофе и пить его на ходу, толкаясь в маленькой кухне локтями и прочими частями тела. Получать легкий, уже почти бесплотный поце-

луй куда придется – в нос, в ухо, в глаз, слышать прощальное «До вечера! Или ты как, опять ночью сегодня?». Оказывается, это и было счастье?

Как же дико проснуться в одиночестве, в тишине, варить кофе себе любимой... Ничего, привыкнешь – не к такому люди привыкают. И как это все получилось? Стоп. Не начинай все сначала. Нет его, нет. И не будет больше. Вставай давай.

Открыть глаза, правой рукой нащупать сотовый, посмотреть время. О господи, уже восемь! За окном мелкий противный дождь, ветер. Пора на работу.

– Маша, зайдите к Валерию Ивановичу, пожалуйста!

Секретарша главного, сколопендра в сиропе. Как это ей удастся в простую фразу влить столько яда? Неужели ошибка прошла в материале или кто нажаловался? Маша достает зеркальце, наспех растрепывает поживописнее волосы, проверяет, не растеклась ли под дождем тушь.

– Здравствуйте, Валерий Иванович! Вызывали?

– А, это ты, Маш! Проходи, садись...

Главный редактор молод, но лыс, толстоват, но энергичен. Недавно женился во второй раз. Тоже, наверное, надоело старое счастье и старая жена – решил обновить все и сразу.

– Садись, Маш, чай-кофе?

Обычная присказка сегодня звучит как-то неуверенно. Судя по интонации, это не выволочка, сейчас попросит на-

писать заказуху или даст какое-нибудь особо противное задание.

– Спасибо, Валерий Иванович, я только что пила.

– Хочу тебя познакомиться.

Главный огибает свой рабочий стол, протягивая руку куда-то к окну.

Только тут Маша видит в углу огромного кабинета у длинного стола, за которым проходят редакционные планерки, незнакомца, который при этом вежливо встает со стула и делает что-то вроде полупоклона.

– Андреас Берг, мой старый друг из ФРГ, работает в журнале «Интернэшнл джиографик».

Немец, плотный, невысокий, волосы темные, со смешным хохолком на макушке, а на шее длинные, в ухе блестит бриллиант. Одет в теплую темно-синюю толстовку, в расстегнутом вороте видна крепкая борцовская шея и белая майка. Улыбается неожиданно стеснительно, по-детски, ждет, когда дама протянет руку, соображает Маша.

– Здравствуйте. – Маша энергично трясет его ладонь. – Очень приятно. Я – Мария Зотова.

Рука у немца теплая, пальцы толстые, короткие, как сардельки. «Немец эна какой башковитый, – неожиданно всплывает в голове голос прабабушки Саши. – Сколь лет зингерь строчить, износу нету».

Прабабушка, рыхлая, в белейшем платочке в черную крапинку, с клюкой в изувеченных тяжелой работой руках, все

последние годы прожила у младшей дочери, Машиной бабушки. Почти не ходила, весь день сидела у телевизора, комментируя передачи. И всех иностранцев без различия называла немцами, даже китайцев. Впрочем, из иностранцев она только и видела немцев в страшную зиму сорок первого, а древний зингер тогда уцелел лишь потому, что был закопан под навозом в хлеву...

Андреас Берг молча смотрит на Машу, вежливо улыбаясь.

– Андреас собрался на Курилы лететь. Ты же из тех мест? – громко вопрошает главный.

– Я вообще-то с Сахалина, – напоминает Маша главному.

– Ну какая разница? Там же все рядом. Ты же на Курилах бывала?

– Пять лет отработала в областной газете, конечно бывала, не раз.

– Ну вот, – радуется главный. – Может быть, слетаешь с ним недельки на две? Ну, там, помочь – организовать, с местными начальниками свести, подстраховать – все-таки другой конец света? Все по договору – они платят прилично.

– Конечно, Мария, наш журнал готов оплатить все ваши услуги и также непредвиденные расходы, – встревает гость. Русский у него правильный, даже слишком правильный – он ясно выговаривает все звуки. Только интонация другая.

– Ну так как, Маш? – В голосе главного так непривычно слышать просительные обертоны, что Маша внутренне теряется. – И нам наваяешь чего-нибудь заодно – настроения

там, как живут, что говорят про японцев – «северные территории» и тэ пэ?

– А на какой именно остров вы собираетесь-то? Их же много.

– Я предполагал бы посетить несколько островов южной части архипелага, – как по писаному чешет гость. – Окончательный маршрут поездки, по-видимому, будет зависеть от решения местных властей.

– А мне что, отпуск придется брать?

Маша чувствует, как все внутри напрягается:

немец-то, похоже, зануда. Провести две недели с занудой, который будет так же пунктуален и точен, как сейчас строит фразу, – занятие не из приятных. А домой, на остров, на самом деле так хочется, даже странно, что в последнее время не вспоминала про это. Но надо бы еще поторговаться с главным, не сдаваться же сразу.

– Все-таки две недели, кто за меня работать в отделе-то будет? – подпускает недовольства в голос спецкор Мария Зотова.

– А, – машет рукой главный, – какой отпуск, командировку оформишь. Как-нибудь Крапивин справится, ему давно пора порастряс тись, а то спит на ходу. Ну что, по рукам?

Немец смотрит вопросительно, но молчит. Маша замечает, какие у него смешные – длинные, светлые и совершенно прямые – ресницы. Как у поросенка.

– А подумать?

– Ну, Маш, чего тут думать-то? Эх, если бы не хозяйство, я бы сам сейчас все бросил и улетел к черту – не только на Курилы, а и куда подалее!

– Ладно, – смеется Маша. – Только мне хотелось бы задать господину Бергу несколько вопросов.

– Андреас, зовите меня, пожалуйста, Андреас, – возражает тот. – Можно Андрей, так зовут русские друзья. Очень рад.

– Ну вот вы пойдите в комнату переговоров да и почирикайте, – радуется главный, что все прошло по-задуманному. – Скажи там Оксане, чтобы кофе вам приготовила.

«Ну да, скажи Оксане, – проговаривает про себя Маша, – чтоб она нас отравила. Сами сварим». И продолжает вслух:

– Пойдемте лучше к нам в отдел, там поуютнее будет.

– Будет? А, да-да, я забывал немного русский язык, – чему-то радуется немец. – Будет – это значит есть. О, я забыл, как у вас все сложно.

Маша собирала чемодан. «Ну и ладно, – думала она, – ну и прекрасно. Вырваться из беличьего колеса, бросить все на время – черт, в октябре сдавать рукопись книжки, за которую уже получен аванс, а она еще и наполовину не готова! Ну, ничего, там буду работать, если получится, в конце концов, поавралю в сентябре, допишу. Зато оторвусь от затянувшейся ситуации разъезда-развода, которая так выматывает душу. Как Олег сказал в последний раз: куда спешить,

на развод опоздать невозможно?» Он всегда был таким: начинал что-то грандиозное, заводил ее, а потом на полдороге ломался, не мог завершить ни одно начатое дело. Ее пунктуальность и работоспособность выводили его из себя. В конце концов, гением в их семье был он, Олег Зотов, так повелось с первого курса. Она, Маша, была серой мышкой, рабочей лошадкой. Он писал роман, она вкалывала в газете, он планировал получить все литературные премии, она зарабатывала деньги на жизнь...

Как получилось, что у нее со временем образовалось имя в журналистике, каждый год выходили книжки, а он так и оставался «молодым писателем, подающим большие надежды»? Именно это, конечно, и стало причиной разрыва, а вовсе не новая любовь и новое счастье... Трудно, да нет, невозможно для амбициозного мужчины пережить успех женщины, которая по идее должна тихо сидеть в его тени и обожать...

Она положила сверху теплую куртку – в конце августа на Сахалине обычно тепло, но на Курилах погода непредсказуемая. Так, что еще? Пару блокнотов, несколько запасных ручек, диктофон, батарейки...

«Ну и пусть, – подумала в который раз. – Переведу дух пару недель. Может быть, станет легче».

Вечером Берг вновь тщательно сверил свой багаж с описью в ноутбуке. Он уже лет десять не был в Москве и опять забыл, как суматошно, неорганизованно и неожиданно про-

ходит здесь жизнь. То срывались запланированные встречи, то вдруг надо было вне расписания дня нестись куда-то на другой конец огромного города в гости к старому товарищу, случайно встреченному на Тверской, за пять минут переодевшись и кое-как покидав вещи в гостиничный шкаф. И вернуться в номер далеко за полночь, тяжело пьяным и счастливым от нахлынувших воспоминаний такой недавней и уже забытой молодости...

Он быстро попадал под влияние непредсказуемой московской жизни, словно опять оказывался в запущенном и разгульном общежитии на Ленгорах, которые теперь опять стали Воробьевыми. И вот результат: вещи вынуты из тщательно уложенного чемодана, пара несвежих маек вообще валяется в кресле, дневник не ведется уже несколько дней, во рту горький вкус – привет от перегруженной алкоголем печени...

И спутник для дальнего путешествия, от которого так много зависит, выбран совсем не тот, какой был бы нужен. Нет, девушка мила, кажется, неглупа и с характером, и ее шеф и старый друг Валерий о ней отзывается с большой симпатией. Но как она перенесет физические нагрузки там, на островах, где понадобится много ходить пешком? Хватит ли у нее сил и здоровья сыграть важную роль в том деле, которое он задумал? И самое главное, поймет ли она его, если придется сказать правду? Отчего-то ему казалось, что мужчина понял бы и вернее согласился бы помогать. Конечно,

он готов стимулировать напарника деньгами, но в таком деле деньги не всегда – главное...

Но что делать: все сложилось так, как сложилось. И что бы ни было дальше, он выполнит то, что задумал. Ведь это, по сути, единственный оставшийся у него шанс.

Андреас аккуратно упаковал вещи, перечитал последнюю, написанную три дня назад, страницу дневника, кратко записал то, что произошло за последние дни. Нужно принять душ и лечь пораньше, чтобы выспаться перед самолетом. И конечно, как всегда, вечером позвонить домой.

За толстым стеклом иллюминатора топорщится выгоревшая шкура сибирской тайги: светлый подшерсток и темная шершавая ость вековых елей. Шкура свалена в складки там, где горы, и плоско тянется сотнями километров на равнинах.

«Я лечу привычно, как едут на автобусе в райцентр жители дальних деревень. За годы сахалинской жизни налетала оттуда в Москву и обратно сотни раз вокруг экватора – есть такая мера длины у дальневосточников. Было бы тяжело, если бы не нынешняя самолетная мода – новые авиакомпании теперь, как за границей, предлагают в полете алкоголь. От выпитого вина слегка туманится голова, зато отпускает ледяной ком страха внутри.

Симпатичная стюардесса движется по проходу, по-матерински наклоняясь к креслам. Да, мы все в самолете похожи на маленьких детей – в душе трусим, как бы ни был спокоен

полет, заглядываем в глаза проходящим мимо летчикам, хотим услышать лишний раз, что все в порядке.

Я лечу, ощущая под собой огромный слой воздуха, у земли плотного, но выше все более разреженного. За бортом, на высоте десяти километров, его почти уже нет – если выпасть из самолета, задохнешься быстрее, чем успеешь испугаться...»

Маша открывает глаза, прерывая текст, который сам собой складывается в голове – не для дела, а так, словно страница книжки, которая никогда не будет написана. В последнее время она и на ходу, и в транспорте постоянно пишет в уме какие-то тексты – может, чтобы занять голову, чтобы не думать о последних событиях, не чувствовать себя несчастной?

Она не успевает додумать эту не очень приятную мысль – Андреас что-то завозился в кресле рядом. Она поворачивается к нему.

– Мария, пожалуйста, сколько времени мы будем плыть до острова Итуруп? – Андреас тычет сарделечным пальцем в свою роскошную карту Дальнего Востока – подробную, напечатанную на тонком пластике. Сложенная как маленькая книжка, она ничего не весит, не порвется и не размокнет – не иначе в военном ведомстве изготовлена. От южной оконечности Сахалина до Итурупа его толстый палец едва помещается.

– Точно не скажу, зависит от теплохода и от погоды, ес-

ли «Мария Ульянова», то часов двадцать, а если «Софья Перовская», может, и побыстрее.

Маша в который раз изумляется страсти своего спутника к точности. В такси он донимал шофера, сколько минут тот будет ехать до Домодедова. Таксист, слегка напрягаясь и глотая «связки» слов, пытался объяснить, что в Москве даже в ранний час это предсказать невозможно: пробки бывают на пустом месте. «Да-да», – вежливо кивал Берг, но было ясно, что ему объяснение не очень понятно.

Берг достает щегольской маленький ноутбук, открывает. На мониторе фотография – симпатичный мальчик лет двенадцати, с такой же смешной стрижкой – вихор на макушке и длинные волосы по плечам, как у Андреаса. Мальчик сидит в кресле у какого-то цветущего куста, смеется и показывает «виктори» – два растопыренных пальца.

– Ваш сын? – Маша кивает на фото.

– Да-да, это мой сын Константин.

– Ох ты, по-русски назвали?

– Я назвал его именем великого византийского императора Константина. Если у меня будет еще один сын, его имя будет Максимилиан – тоже византийский император.

– Вы поклонник византийских императоров? Тогда должны знать, что русские князья их сильно били когда-то, – смеется Маша.

– Византия – великая мировая культура, я очень люблю Истамбул, много работал там. Особенно храм Айя-София, –

серьезно объясняет Андреас. – В нем есть такое окно, туда надо положить руку и загадать самое важное желание – оно сбывается.

– И у вас сбылось? – не удерживается Маша.

– Сбылось... – Андреас медлит, но потом все же договаривает: – Я хотел, чтобы у меня была хорошая семья, родились дети. И Константин у меня появился.

– Здорово! – Маше почему-то неловко, что-то горькое есть в интонации немца. – Значит, исполнится и второе желание – родится маленький император Максимилиан.

– Это отдельная проблема, – как-то слишком отчетливо отвечает Берг. – Но я счастливый, что у меня есть Константин.

– А вы его дома так и называете – Константин?

– Называем, да, – кивает немец. – А вы называете как?

– Маленьких у нас называют Костя, или Костик, или даже Котик – у меня есть такой родственник мальчик Котик, – улыбается Маша.

– Это значит маленький кот? Котьенок?

– Ну да, типа того. Маленькие ведь все мягкие, пушистые и все похожи – котята, собачата, ребята, – веселится Маша.

– Да-да, – отводит взгляд Андреас и начинает что-то быстро набирать. Показалось или нет, что глаза его подозрительно заблестели? Он что, прослезился, настоящий толстый сентиментальный немец?

Полистав полчаса какой-то глупый гламурный журнал,

Маша косит глазом на монитор, но текст набран на немецком.

– Путевые заметки? – не выдерживает она.

– Да-да, – отрывается от клавиатуры Берг. – Наше путешествие началось, и я записываю это.

– Это – что? – не унимается Маша.

– Вот... – Берг шевелит губами, быстро переводит. – Моя спутница – русская журналистка Мария. Она красивая молодая женщина, стройная, с коротко стриженными светлыми волосами и грустными серыми глазами. Я не знаю причины ее грусти, но когда Мария улыбается или смеется, она становится еще красивее, а ее глаза – еще грустнее...

– А-а, ну да, кхм, – тянет от неожиданности Маша. Ей хочется провалиться сквозь твердое самолетное кресло, но делать нечего – надо как-то выкручиваться из ситуации. – Вы мне вот так грубо льстите, Андреас? – Она пытается перевести все в шутку. – Не поможет, русские журналистки неподкупны!

– Льстить – это говорить неправду? – пытается вспомнить редкое слово немец. – Да-да, но я написал правду. У вас есть горе? Я не имею прав спросить, извините.

– Да какое горе! – Маше становится на мгновение остро стыдно – надо же, распустилась до чего. – Так, мелкие неприятности. Все будет путем!

– Путем? Путь – это дорога? Это значит – мы правильно летим? Надо записать! – смеется Андреас.

«Не слишком ли он умен, сентиментальный толстяк, не хвачу ли я с ним настоящих проблем, и как, собака, хорошо знает русский язык!» – Этими вопросами Маша задается до самого Южно-Сахалинска, который, как всегда, внезапно выскакивает из плотных облаков уже почти на самом приземлении.

Странно приехать в родной город, где нет уже твоего дома. Восемь лет назад, похоронив отца, мама переехала в родной городок в Центральной России.

Маша уехала в Москву еще раньше, пригласили на работу в штат большой газеты, в которой год собкорила до этого. В столице долго привыкала, хотя пять лет училась здесь, все, казалось, было родное и знакомое. Но Сахалин сидел в сердце занозой, его долго не хватало Маше Зотовой в ее завидной столичной жизни. Потом привыкла.

Маша вышла на трап, и сразу лицо залепил влажный плотный ветер с острым запахом осенней тайги. Первые годы в Москве, особенно осенью, ей сильно не хватало именно этого воздуха: смолистого запаха тополей на проспекте, влажного аромата цветов на углу центральной площади, где сидели со своими ведрами корейнки-цветочницы. Пряной вони рынка, где те же корейнки торговали жгучими соленьями и специями и где горами были навалены помидоры, зелень, стояла в ведрах таежная ягода. Запаха самой тайги, который приносили в город мокрые циклоны, – острого соуса из гри-

бов, лимонника, папоротников, преющей листвы, багульника... Она, как лесной зверь, приняховивалась к московскому воздуху, пыталась найти хоть слабое подобие сахалинской осени и не находила его ни на задушенных бензином столичных бульварах, ни в блеклых и пресных подмосковных лесах. Теперь родные запахи обрушились на нее как яростный летний ливень – от одного этого захотелось петь и танцевать.

Разместились в гостинице. Маша кинулась звонить в свою газету, друзьям, назначать встречи. Не терпелось всех увидеть, но приходилось думать о спутнике – не бросишь же его одного в помпезном, самом дорогом номере самой дорогой, построенной недавно гостиницы с претензией на шик. Берг, со своим хохолком на макушке, кожаным кофром, щегольским спортивным рюкзаком, ноутбуком и дорогим чемоданом, а самое главное – паспортом и профессией, вызвал откровенное любопытство дородной дамы на ресепшн и двух веселых горничных. А раз так, то скоро весть о «журналисте из Германии» разлетится по всему отелю.

– Мария, какой план действий? – Свежий после душа, готовый к подвигам Берг предстал перед Машей ровно через полчаса.

– Сейчас – в редакцию, ребята помогут организовать встречи с нужными чиновниками, а там посмотрим!

– Необходимо вызвать такси?

– Да какое там такси, тут пешком пять минут, это же ма-

ленький город, – развеселилась Маша.

Берг посмотрел недоверчиво.

– Машка! – навстречу по длинному редакционному коридору неслась Лидочка Кравец, крупная, неуклюжая, с сияющими глазами. – Как же здорово, что ты наконец выбралась!

Лидочка выросла в рабочем поселке, была отличницей, комсомольской активисткой. Ее моральные устои сформировались раз и навсегда под влиянием родителей, правильных советских людей, и правильной советской литературы, воспитывавшей строителей коммунизма. Она верила в настоящую любовь до гроба, в то, что добро всегда побеждает зло, что хорошим людям надо помогать, а с плохими бороться до конца, что герои нашего времени ходят среди нас.

В журналистику она пришла с этими убеждениями и ничто и никто не смог ее поколебать. Когда Маша уезжала, Лидочка была заведомо молодежки, теперь стала ее редактором. На волне перестройки, когда все они начинали свою карьеру, молодежка процветала, тиражи росли, а Лидочка была главным борцом за правду и за «сирых и убогих», как иронизировал тогда бывший заместитель редактора, лохотонный красавец Валера Миронов. Она без усталости защищала и разоблачала, устраивала чужие судьбы и портила нервы начальникам всех мастей.

Когда перестройка кончилась, а вместе с ней кончился и обком комсомола, содержащий газету, и начался дикий ка-

питализм, выяснилось, что теперь надо зарабатывать деньги и конкурировать с новыми газетами, которые стали плодиться, как бездомные котята в подвале. А для этого писать о том, что нравится новым бизнесменам-рекламодателям, которых газета прежде клеймила как прохиндеев и экономических преступников. Мужики из газеты подались кто куда, а верная Лидочка, как всегда, приняла огонь на себя. Бизнесумен из нее не вышло, газета хирела, уступая конкурентам одну когда-то завоеванную высоту за другой. Но Лидочка никак не могла смириться с тем, что надо идти на поводу у богатеев, печатать «развлекаловку» типа светских сплетен, кроссвордов и гороскопов или откровенную «заказуху».

Верна себе осталась Лидочка и в личной жизни: ни одного поцелуя без любви, а любви так и не случилось. После смерти матери она осталась одна в большой квартире, в которой постоянно толклись то бездомные друзья и подруги, то приезжавшие из разных мест области бывшие герои ее очерков и расследований. С большинством из них у нее завязывалась самая настоящая дружба.

– Ты надолго? – Лидочка обняла Машу и только тут заметила за ее спиной Берга.

– Знакомься, Лидочка, это Андреас Берг из «Интернэшнл джиографик». Мы с ним едем на Курилы на пару недель, желательно морем, но побыстрее, нужна твоя помощь, – освободившись из объятий подруги, быстро проговорила Маша, чтобы сразу расставить все по местам.

– А как же... Ты и не побудешь нисколько? Ну не сегодня же вы поплывете? – искренне огорчилась Лидочка, уловив только слово «побыстрее».

– Нет, конечно, – засмеялась Маша, – но завтра было бы неплохо. Только надо определиться, как это лучше сделать, с кем для этого встретиться здесь, в Южном, и с кем контактировать там.

– А, ну это мы сейчас созвонимся с Нефедычем, Славку Нефедова помнишь? – сразу сообразила Лидочка. – Пойдемте ко мне, я сейчас чайку, позвоним в администрацию, пойдём-пойдём...

Через пару часов неутомимая Лидочка уже договорилась о встрече Маши и Берга с помощником губернатора Новикова, узнала расписание теплоходов на Курильск, дозвонилась до Нефедова, который работал в ее газете несколько лет, а теперь уже второй год был редактором курильской районки, напоила гостей чаем.

Маша наслаждалась Лидочкиной по-прежнему негасимой энергией. Та успевала звонить, в промежутках рассказывать о своих делах – это были главным образом дела ее друзей, знакомых и знакомых друзей, расспрашивать Машу о ее жизни, задавать вежливые вопросы Бергу, руководить работой по номеру – к ней то и дело забегали сотрудники, но не столько по делу, сколько из любопытства. Большинство из них Маше были уже незнакомы, но, судя по взглядам, ее знали: журналисты молодежи, сделавшие успешную карье-

ру в столице, были известны всем и вдохновляли молодежь на собственные подвиги.

Потом Маша и Берг отправились в администрацию – представиться руководству области. А вечером Лидочка пригласила, слегка конфузясь чужеземца, поужинать у нее дома, пообещав собрать «всех наших» – то есть тех, кто работал в прежнем составе молодежи и кто хотел непременно повидать приезжих.

Маша ходила по городу, радовалась встречам, но тем не менее ловила себя на том, что старые друзья казались меньше ростом, как-то съежились. Любимые улицы виделись узкими и пыльными, хотя по ним медленно катились огромные стада японских «праворуких» авто, отчего-то сплошь белых, – теперь привезти автомобиль с Хоккайдо оказалось гораздо дешевле, чем купить отечественную «копейку».

Разные укромные уголки, которые в дни ее юности еще хранили отчетливые признаки давнего японского присутствия – тонко подобранные по форме и цвету деревья и кустарники, вроде бы случайные, а на самом деле собранные рукой художника нагромождения серых валунов, – превратились в стандартные городские скверы с прямыми углами и обшарпанными скамейками. Только монументальный краеведческий музей, расположенный в бывшей резиденции японского генерал-губернатора Сахалина, и два каменных льва с азиатскими физиономиями у входа вызывали все тот же восторг, что и в детстве.

Столичная штучка, ехидничала над собой Маша, конечно, вам теперь тут масштаб не тот вам подавай московский гламур, вам тут провинция... Но с грустью понимала, что и правда провинция, и масштаб не тот, и останься она тут, так же смешно обсуждала бы в редакционных коридорах главную здешнюю новость – наглую «прихватизацию» какой-то местной гостиницы каким-то мелким чиновником из городской администрации...

Маша так и не почувствовала себя дома, пока утром следующего дня газетный фотограф Мишка Стулов не отвез ее и Берга на своей раздолбанной «Ниве» на тихоокеанское побережье, в Лесное. «А то совсем все забыла, наверное», – ворчал еще больше растолстевший Мишка, вместе с которым когда-то Маша отработала десятки командировок.

Только здесь, сев на серый мелкий песок и увидев мерно дышащую огромную гладь, Маша поняла, как ей на самом деле не хватало этого огромного океанского простора и серого неба над ним. И запаха гниющей ламинарии на берегу. И скрипучих воплей чаек, с маху падающих в воду. Слезы навернулись Маше на глаза, Берг деликатно отошел подальше, беспрестанно щелкая фотокамерой. Мишка, пыхтя и отдуваясь, собрал костерок, достал промасленные свертки с закуской, продавленную армейскую фляжку...

– Неужели все та же? – кивнула Маша на знаменитую походную подругу Стулова.

– А чего ей сделается? – удивился Мишка. И предложил

выпить за знакомство, налив в металлические стаканчики своей фирменной «стуловки» – водки, настоящей на местной пронзительно кислой ягоде, которую официально называли красникой, а в обиходе – за ни с чем не сравнимый запах – просто «клоповкой».

Берг спешил записать впечатления дня. «Здесь люди не похожи на тех, с которыми я знакомился в Москве. Они чем-то неуловимо отличаются – возможно, большей открытостью, они как будто не делают различия между мной, иностранцем, и собой. Они приветливее и гостеприимнее. Лидия сразу же пригласила меня в дом, хотя мы познакомились с ней полчаса назад. Они с интересом расспрашивают о жизни в Европе – москвичи часто бывают за границей, и у них теперь особого любопытства мы не вызываем.

Здесь иначе выглядит и Мария – она как-то расслабилась, ушла настороженность. Она, оказывается, сентиментальна – когда мы приехали на побережье океана, я заметил на ее глазах слезы...»

Берг прервался, подошел к окну: по главной улице, переваливаясь на выбоинах, двигались потоки японских авто.

«Скоро я доберусь до цели своего дальнего путешествия. – Нетерпение захлестывало его. – Я уверен в успехе, я просто не могу не найти то, что ищу. И если для этого понадобилось бы обогнуть земной шар еще сто раз, я сделал бы это. Что бы там ни говорила Барбара, я доведу начатое

до конца...»

Он вернулся к ноутбуку, закрыл файл, посчитал временную разницу с Франкфуртом: там еще только шесть утра, звонить Константину рано. «Ну ничего, позвоню с теплохода», – решил он.

Поздно вечером Маша и Берг погрузились на теплоход «Игорь Фархутдинов» в порту Корсаков. Как растолковала Маша, он был назван в честь бывшего губернатора области, нелепо погибшего в авиакатастрофе за год до этого как раз на Курилах. Пилот вертолета не распознал вовремя скрытую туманом сопку – и целая группа областных чиновников погибла, когда вертолет ударился о склон...

– Надеюсь, мы с вами не будем там летать на вертолете? – полушутя-полусерьезно спросила она.

Берг промолчал – он еще не знал, каким транспортом придется добираться до его цели.

Они разместились в каютах и поднялись в ресторан. Публики в просторном зале было мало – курильчане, возвращавшиеся из отпусков, по давней традиции оставляли все деньги на материке и по дороге домой обходились «сухим пайком». Поужинав, вышли на палубу. Легкие волны в свете луны отблескивали свинцом, из динамика неслись старые шлягеры. Берг стоял на корме, неотрывно глядя на след теплохода – как будто под кормой кипел огромный чайник. Хохолок на Берговой макушке трепыхался.

– Андреас, вы ведь на Дальнем Востоке в первый раз? – не удержалась Маша.

Берг повернулся, посмотрел молча, потом словно нехотя сказал:

– Я несколько раз побывал в Японии. Почти рядом.

– Ну, Япония это совсем другое, – слегка обиделась Маша. – Я имею в виду на нашем Дальнем Востоке.

– Да-да, впервые.

– А что вас так сюда потянуло?

– Всегда интересно повидать новое место, – вежливо улыбнулся Берг. – И это моя работа.

– Ну, вы как хотите, а я пойду спать. – Маша вдруг почувствовала, что еще секунда – и она уснет прямо здесь, на палубе.

– Желаю вам спокойной ночи! – поклонился Берг.

Маша засмеялась и сделала книксен. Ей почему-то вдруг стало весело. В каюту она спускалась, подпевая судовой трансляции: «Со всех вокзалов поезда уходят в дальние края-а...»

«Игорь Фархутдинов» встал на рейде Курильска утром. В ясном прохладном воздухе беспорядочная россыпь серых домов на склоне сопки с сиреневыми столбиками дыма над крышами была похожа на какую-то огромную свалку. За сопкой невероятной декорацией плыл в воздухе симметричный силуэт вулкана Богдан Хмельницкий. Вылитая гора Фудзи

на картинах Хокусая, в который раз подумала Маша.

— Вы не находите, что этот вулкан очень похож на свитки Хокусая? — Берг повернулся к Маше, блеснув бриллиантом в ухе.

— Похож, очень похож. — Маша не удивилась познаниям немца, но ее снова неприятно поразило то, что он словно прочитал ее мысли.

К борту «Фархутдинова» с тархтением и плеском подвалил плашкоут — плоскодонная баржа, на которую надо было высаживаться по хлипкому трапу. Плашкоут колыхался на волне явно не в такт с судном. Берг недоверчиво смотрел, как приплывшие домой курильчане ловко сгибают вниз, держа в руках объемистые чемоданы и баулы.

Два матроса, скалясь и отпуская нехитрые шутки, внизу подхватывали только женщин и детей. Наконец спрыгнула вниз и Маша, ей не дали удариться о черную палубу, аккуратно придержали на весу. Берг сначала передал вниз свои щегольские чемодан и рюкзак — матросы переглянулись, но ничего не сказали, как опасалась Маша. Наверное, поняли, что какая-то шишка. Потом немец неловко прыгнул сам с кофром в руках, чуть не упал, но выровнялся и поблагодарил матросиков, хотя те стояли опустив руки. Матросы еще раз переглянулись. Плашкоут потарахтел к деревянному причалу.

На причале стоял долговязый Славка, издалека размахивая длинными руками.

– Приехала, вот молодец! – что есть духу орал он, распу-
гивая стоящих рядом женщин.

Посадив Машу и Берга в уазик, довез до редакции район-
ки.

– Ну, рассказывай! – Славка уселся верхом на стул, запле-
тя под него ноги. – На сколько приехала, чем пособить?

Пока Маша в который уже раз объясняла цель поездки и
свою роль при Берге, тот осторожно оглядывал крошечный
кабинет Нефедова – продавленный диван, колченогий стол,
портрет президента на стене, пожелтевшие подшивки рай-
онной газеты и электрический чайник на подоконнике, на
котором замысловатым узором сплетались следы от кружек.
Маше стало смешно – наверняка Берг никогда в жизни ни-
чего подобного не видел.

– Все понял! – Славка прилепнул ладонь к отпечаткам све-
жих газетных полос на столе и тут же чертыхнулся – на ла-
дони отпечатались черные строчки. – Поселитесь у меня или
в гостинице?

– Лучше в гостинице, – неуверенно протянула Маша. –
Она все там же?

– Ну а где ей еще быть? Правда, там теперь есть два но-
мера люкс, если, конечно, свободны. – Славка схватился за
телефон. – Вам еще надо в райотделе милиции зарегистри-
роваться, да и к пограницам зайти – чтобы знали, что вы тут
по острову разгуливать будете. Элеонора, это Нефедов, при-
вет! – заговорил он в трубку. – У тебя люксы свободны? За-

няты? Да мне тут надо бы двух журналистов поселить дней на десять. Нет, поодиночке. Поселишь? Ну, хоп, спасибо!.. Чем еще помочь? – Нефедов выжидательно смотрел на Машу.

– Андреас хотел бы поснимать в поселке: на рыбопроизводном, на разделке, на улицах, в магазинах – ну, в общем, жизнь как она есть. Ты, Слав, позвони, кому сможешь, а? У нас аккредитация пресс-службы губернатора есть, но сам знаешь, лучше здешнее начальство предупредить.

– Да без вопросов, он же не компромат приехал собирать, а, не компромат же, Андреас?

А даже если и компромат, все равно слава Курилам обеспечена, а? – захохотал Нефедов. – Давайте сейчас расселяйтесь, регистрируйтесь, а потом зайдите в администрацию, глава у нас в отпуске, так вас замглавы ждет, ему сообщили, что вы тут. Пообщайтесь с Алексеем Александровичем, так сказать, визит вежливости, ну и для порядка. И потом, вам это будет полезно.

В гостинице дородная блондинка с щедрым макияжем на лице и в красном платье с черными рюшами («Ну точно гроб, в котором хоронят ветеранов», – неpolitкорректно подумала Маша) гостеприимно распахнула две соседние двери.

– Люксы, к сожалению, заняты, но там добавлены только телевизоры и холодильники, а так все то же, что и в этих но-

мерах, располагайтесь. Туалет и душевая в конце коридора, кипятилок для чая у меня. А меня звать Элеонора, я хозяйка, к вашим услугам. – И «гробовая» дама широко улыбнулась, сверкнув металлическими коронками. – Попрошу паспорта, я их на регистрацию сдам в РОВД.

В комнатах стояли кровати, застеленные одинаковыми покрывалами в цветочек, у входа – шкафы середины прошлого века, у окна такие же письменные столы, по паре стульев. За дощатой перегородкой – сиротливая раковина, стеклянная полочка и пластмассовая урна. Маша внутренне сжалась – слишком уж явно обстановка номеров не соответствовала их стоимости. Но Берг, не выказав ни малейшего удивления или недовольства, внес в номер свой багаж, который явно стоил больше всего здания гостиницы вместе с его начинкой.

– Через полчаса выходим, как вы? – неуверенно спросила Маша.

– Да-да, Мария, я буду готов через полчаса, – невозмутимо ответил Берг.

Когда через полчаса Маша коротко постучала и открыла дверь Берга, он был занят подготовкой «разгрузки» – так редакционные фотографы называли что-то вроде детского фартучка с множеством карманов, по которым были в определенном порядке рассованы объективы, запасные аккумуляторы, лампы-вспышки и прочая фотоамуниция. Но «разгрузки» знакомых Машиных «фотиков» были простенькие

– из джинсы или просто черной ткани. У Берга «разгрузка» была щегольская, как все его снаряжение: темно-серая замша была расчерчена на кармашки красной тесьмой, ремни, которыми «разгрузка» застегивалась на спине, были снабжены удобными карабинами.

Берг любовно вынимал каждый объектив из замшевого серого мешочка и укладывал по кармашкам – готовился к работе. Маша невольно залюбовалась – ей всегда нравилось смотреть на профессионалов, чем бы они ни занимались. Собственно, это и было самое интересное в ее работе...

– Я готов! – отпрапортовал Берг, уложив в последний кармашек какой-то маленький приборчик, названия которому Маша не знала. – Мы можем идти?

Они проделали обратный путь к центру поселка, зашли в свежотремонтированное здание администрации. Когда-то тут, помнила Маша, был райком КПСС – типовой двухэтажный дом, обшитый вагонкой «в елочку». Теперь, отделанный светло-желтыми пластиковыми панелями, с новыми стеклопакетами, он выглядел вполне по-европейски.

Секретарша величаво приветствовала их, заглянула в кабинет, отставив обширный зад, и тут же широко распахнула дверь:

– Проходите!

Замглавы сидел за громадным столом под портретом президента и двумя большими иконами в золоченых окладах.

Сбоку в специальном «подстаканнике» стоял триколор. Заглавы радушно улыбнулся, вышел из-за стола, издалека протягивая руку.

— Очень рад, очень, мне из пресс-службы губернатора звонили, просили, так сказать, принять и обогреть! У нас тут часто столичная пресса гостит, в прошлом году Первый канал пожаловал, но вот из Германии пока журналистов не бывало! Ячменев Алексей Александрович, очень рад! — поочередно потряс он руку Маше и Бергу.

Те тоже представились и уселись за длинный стол для совещаний.

— Ну какие у нас планы? — вопросительно поднял брови Ячменев. — Что собираетесь писать, где снимать?

— Господин Берг должен подготовить материал о самых дальних российских островах, о хороших людях, местных достопримечательностях, — привычно завела Маша. — Читатели его журнала — образованные, солидные граждане практически всех развитых стран, так что это будет своего рода презентация Курил для всего мира...

Берг согласно кивал на каждое слово. Ячменев улыбался во всю ширь и тоже кивал.

— Ну, хотелось бы, чтобы вы показали наш район всесторонне, так сказать. — Ячменев развел руки в стороны. — Его прошлое, настоящее, будущее. Вы знаете, президент и правительство уделяют большое внимание развитию Дальнего Востока в целом и Курил, так сказать, в частности. Недавно

выделены значительные средства на развитие инфраструктуры... Правда, мы пока их не получили, но непременно получим, да! У нас большие планы, вот, позвольте.

Он встал из-за стола и подошел к большому планшету, ви-сящему на стене.

— Это, так сказать, наш генплан. Лет через пять вы Курильск не узнаете. — Ячменев поводил пальцем по прямоугольничкам на плане. — Центральную площадь мы забетонируем, разобьем сквер, тут будет фонтан. Капитально отремонтируем школу, детсад и восемнадцать жилых домов. Тут будет новый корпус ремзавода, с этой стороны вырастет новая котельная. А вот здесь, на высотке, построим храм Пресвятой Богородицы...

— Это где же, на сопке Любви, что ли? — вырвалось у Маши, следящей за ячменевским пальцем.

— Ну, это же, так сказать, неофициальное название — так, наследие прошлого! — Ячменев дробно рассмеялся. — Правильное название — сопка Черемуховая, там ведь черемухи много. А будет храм, настоящий, с золотыми куполами, с колокольней, мы уже и благословение нашей епархии получили, и проект готов... Вот. — И он указал на рисунок в рамке, висящий рядом с планшетом. На нем был изображен белокаменный храм с тремя куполами и пристроенной сбоку колокольней на фоне закатного неба. Рядом висели фотографии в рамках: Ячменев с артистами известного театра, Ячменев с каким-то батюшкой в парадном облачении, Ячменев

с делегацией маленьких улыбающихся японцев... – Поймите, нам здесь, на границе России, без веры никак нельзя, – проникновенно сказал Ячменев. – Вера нужна людям, чтобы преодолевать трудности, строить, растить детей!

– Здесь же, я знаю, капитальное строительство очень дорого обходится, – задумчиво сказала Маша. – Не разумнее было бы потратить такие средства на новую школу или больницу?

– Будет, будет у нас новая школа! – Ячменев довольно хлопнул по планшету. – Больницу приведем в порядок, новое оборудование нам обещали... Но без веры нельзя! Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму, помните? И люди это оценят, поверьте! Будет у нас прямо как в столице! – И он, дирижируя указа тельным пальцем, неожиданно пропел приятным баритоном: – «Москва, звонят колокола! Москва, золотые купола!» А?

И Маша наконец поняла, почему ячменевское лицо ей так знакомо. Конечно, он сильно изменился за эти годы, пополнел, посолиднел – округлые щеки лежат прямо на белом воротничке, под дорогим пиджаком круглится брюшко, а волосы тщательно уложены феном. Но нет сомнений, это же с ним тогда, в девяностом году, у Маши вышла неприятная история!

Ее, после третьего курса приехавшую на первую большую практику, отправили в Курильск, писать про районную комсомольскую конференцию. Мероприятие настолько скучное,

что редактор областной молодежи Боря Бубенцов сам лично сказал ей: «Ну привези нормальный отчет, мы его подсократим да напечатаем, что делать – надо!»

Но Маша подошла к делу творчески – вместо унылого отчета о самой конференции написала о лучших ребятах-комсомольцах района и о том, что их на самом деле волновало. Парень-моторист из рыбколхоза рассказал ей, как райком комсомола в прошлом году громогласно объявил районную спартакиаду, но дальше турниров по шашкам и шахматам дело не пошло. Девушки из районной библиотеки показали провалившийся пол и покосившиеся стеллажи, с которых сыпались старенькие, давно не пополняемые книжные фонды. Молодая учительница посетовала, что после уроков подросткам некуда податься, потому что школу запирают на ключ, а она хотела было вести волейбольную секцию, так сетки нет...

И второго секретаря райкома комсомола Алешу Ячменева она отлично запомнила – это он в перерыве стоял перед немногочисленными делегатами конференции, встряхивая роскошными кудрями и дирижируя обеими руками, и громче всех пел модную тогда песню композитора Иванова: «Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам, Мы хлеба горбушку – и ту пополам! Коль ветер лавиной и песня лавиной – тебе половина и мне половина-а-а!» Куда лавиной катилась песня, было непонятно, но задорная мелодия многим нравилась... Вот из-за этого приятного баритона его и невозмож-

но было не узнать!

– Так вы меня совсем не помните? – Маша широко улыбнулась – В девяностом году я у вас тут была на отчетно-выборной конференции, практикантка из областной молодежи, Маша Прохорова, не помните? А потом, года через два, мы с вами в Южном встречались. Вы тогда уже в обкоме комсомола работали, а я приехала после журфака...

– В каком-каком? – Ячменев прищурился. – Столько воды утекло! Да-а-а, вы, значит, у нас начинали? Хорошую карьеру сделали!

– Ну, вы тоже ничего! – Маша обвела рукой кабинет.

– Да какие у нас тут карьеры! Работаем, так сказать, на самом краешке земли, на переднем фронте! С нас Россия начинается, мы тут как разведчики в дальнем походе!

Маша едва не прыснула – такими знакомыми показались ей лексика и пафос, прозвучавшие из уст чиновника.

– Так все-таки комсомол вас вывел на большую высоту! – слегка подколола она, вспомнив, как отбивался от звонков первого секретаря райкома партии Боря Бубенцов после ее статьи: опорочила ваша практикантка районную комсомольскую организацию, очернила, а мы тут на переднем крае!

– Ну что комсомол!.. – Ячменев улыбнулся еще шире. – Конечно, он нам дал какую-то закалку, опыт, не будем забывать, но и преувеличивать не стоит! Главное – работа с людьми, экономическое образование, а здесь одними лозунгами не отделаешься! Тут у нас непочатый край работы, по-

нимаєте? Положение непростое, Япония под боком, понимаешь, соблазны, легкая жизнь! А мы российские интересы должны отстоять так, чтобы Родина была спокойна – ни пяди исконно русской земли не отдадим! Тут ведь наши предки триста лет назад эту землю России-матушке добывали не затем, чтобы ее потом подарить кому-то, так, нет?

Маша слушала речь замглавы и вспоминала, как переживала тогда, что ее статья оказалась причиной неприятностей для газеты, хотя она ни слова неправды не написала. Но Боря Бубенцов недаром был обожаем своими сотрудниками, хотя особыми журналистскими талантами и не отличался. Обожали его за другое: он никогда не сдавал своих.

Если ему звонили обиженные критической публикацией, писали недовольные ошибками корреспондента или даже устраивали разнос в отделе пропаганды обкома комсомола, он искренне удивлялся: «Да что вы, товарищи, меры уже приняты! Да этот человек у нас уже три дня как не работает, я его уволил как раз за эту статью!» А вернувшись после головоймойки в редакцию, вызывал провинившегося в свой кабинет и приказывал: «Так, три месяца печатаешься под псевдонимом! А через три месяца про скандал все забудут, фамилию верну!» Вот и про Машу он тогда сказал: «Ну чего вы хотите, товарищ молодой, неопытный, ну, не разобралась девушка, недопоняла что-то, так сами виноваты – надо было помочь, подсказать! Куда секретари райкома смотрели? Да к тому же у нее и практика заканчивается!» А практика у

нее тогда получилась отличная, защитила она ее на пять, и куратор группы Николай Степанович долго расхваливал ее, шлепая своими знаменитыми на весь курс губами...

– ...Природные трудности, понимаешь! В прошлом году за путину прошло четырнадцать штормов, это как? Тайфуны один за другим всю осень! А зимой бураны такие, ветер с ног сбивает! – вывел ее из воспоминаний задушевный голос Ячmeneва.

Берг внимательно слушал, округляя глаза.

– Ну ладно, заговорил я вас, гости дорогие! – Ячmeneв поднялся из-за стола. – Работайте, снимайте, пишите! Конечно, хорошо бы по итогам командировки еще раз пообщаться, так сказать, поделиться увиденным! Ну и так, в любое время, если потребуется содействие, – милости прошу, милости прошу! – Он широким жестом снова протянул руку Маше и Бергу. – Телефоны мои знаете, звоните, если что, или через Лидию Гавриловну передайте! Как в гостинице, нормально заселились? У нас, конечно, не «Мариотт», ха-ха, но приезжайте лет через пять, будет и у нас отель не хуже, непременно!

Когда они вышли из пахнущего какой-то химией здания на сырой воздух, Маша глубоко вдохнула и выдохнула: хотелось отдышаться от красноречия и радушия.

– Мария, этот человек был комсомольский функционер, я правильно понял? – смиренно спросил Берг.

– Ну да, как почти все наши политики, банкиры, мини-

стры и тэ дэ, – устало ответила Маша. – А вы разве не были активистом Союза свободной немецкой молодежи? Как же тогда на учебу в Москву попали?

– Да, меня послала в Москву СДПГ! – согласно кивнул Берг. – Только не как активиста, а как победителя национального конкурса «Немецкий фотообъектив». Я тогда школу заканчивал, и мои снимки победили в номинации «Выше, быстрее, сильнее» – это спортивный репортаж. Но я конечно, был комсомольцем, как все, конечно! Но я закончил журфак в 1988 году, а в восемьдесят девятом, вы знаете, Германия объединилась, и активистом я так и не успел стать... А так, наверное, был бы...

«Надо же, мы с ним целый год учились на одном факультете, но я его совсем не помню, – подумала Маша. Впрочем, пятикурсники для них, только что поступивших несмышленьшей, были небожителями, конечно, он и не снизошел бы до меня тогда!»

– Все мы были комсомольцами, и ничего дурного я в этом не вижу, – примирительно сказала она. – Коллективизм все равно лучше индивидуализма, который процветает сейчас.

– Вы так думаете? – растерянно спросил Берг. – А мне казалось, у вас сейчас не принято хорошо вспоминать то время...

– Ну, это кому как, – засмеялась Маша. – Меня журналистом сделали в комсомольской газете, за что я ей по гроб жизни буду благодарна. Но идиотизма тогда точно хватало.

Впрочем, как и сейчас!

За разговором они дошли до рыбоперерабатывающего предприятия «Россия» – так пышно теперь назывался бывший скромный рыбозавод. Нырнули в острый запах сырой рыбы, водорослей и еще чего-то терпкого. Полдня провели в длинном дощатом цеху, где веселые крепкие девахи шкерили – бесстрашно пороли острыми, как бритва, ножами серебряную горбушу. Двумя отточенными движениями они пластали упругие тушки, успевая при этом перекрикивать грубыми голосами стрекот транспортера. Берг, весь облепленный чешуей и брызгами рыбьих кишок, скакал между транспортерами, искал ракурсы. Шкерщицы скалились, заигрывая с чистеньким немцем, предлагали встать с ними на конвейер.

Маша не скучала: с упоением узнавала знакомые запахи: йодистый дух рыбьей плоти, свежий лесной – от фанерных бочонков для икры. Радовали ее и незамысловатые шуточки девчат, и свежий ветер, свободно проносящийся сквозь цех. Она снова была дома, дышала привычным воздухом...

В сумерках вернулись в гостиницу, шли по опустевшим улочкам, в окнах хибар светились телевизоры – многие, видно было, смотрели японские программы с мило улыбающимися раскосыми красотками и бурно хохочущими комиками.

– Это и есть сопка Любви. – Маша махнула в сторону темного силуэта невысокой сопочки. – Тут замглавы собирается

храм строить. А раньше здесь другим богам служили, наверное языческим. Здесь девчата-шабашницы надеялись стать счастливыми, а становились чаще всего несчастными.

– Шабашницы? – уловил незнакомое слово Берг. – Это девушки из рыборазделочного цеха?

– Ну да, шабашницы, завербованные. – Маша сама удивилась, как странно звучат, казалось бы, давно знакомые слова. – Так раньше девушек называли, которые сюда приезжали на путину. Многие за деньгами, а многие хотели судьбу изменить, мужа найти или любовь – кому чего хотелось. Издалека ехали – с Украины, из Белоруссии, с запада, из Сибири.

– Любовь можно не так далеко искать, если ты молод, – отчего-то грустно сказал Берг.

– Не все и молодые были, шабашницы разные, вы же видели, – усмехнулась Маша. – Только любовь у них чаще всего на одну путину только и была. Вот на этой сопке рождалась, тут и помирала. Кому-то везло, конечно, но большинство находило совсем не то, что искало.

– А сейчас? – заинтересовался Берг.

– А сейчас не знаю, надо присмотреться, – покачала головой Маша. – Девчата вроде такие же, только меньше их, рыбы ловят меньше. Рыбаков, то есть женихов, стало быть, тоже меньше.

Ужинать решили в гостинице, в единственный в поселке ресторан идти не хотелось. Заснула Маша как убитая, едва коснулась подушки.

Берг долго сидел над дневником, не спалось. Чем ближе была цель, тем сильнее он чувствовал возбуждение. Да и необычность природы, яркие впечатления от здешних встреч не давали успокоиться, требовалось как-то переварить их, уложить в голове.

И Маша... Он все время исподволь наблюдал за ней. Она была не похожа ни на одну из женщин-журналисток, которых он знал. В ней не было ни напористости газетного репортера, ни наигранной наивности начинающих телезвездочек, ни искушенности прокуренных теток-обозревателей известных журналов. Она разговаривала с людьми, спрашивала, смеялась их шуткам так, как будто была одной из них. Пыталась работать вместе с ними, не совала в нос диктофон, блокнот доставала редко и записывала что-то в нем украдкой, не на глазах у тех, с кем говорила.

Естественность – вот, он нашел слово, которым можно было это выразить. Она была естественной, не играла в журналиста из центра, а была сама собой – обычной женщиной в необычных обстоятельствах. «Жаль, что об этом не расскажешь в своем репортаже, – подумал Берг, – вряд ли это будет интересно редактору рубрики. А вот читателям, наверное, было бы интересно, большинство из них представляют русских стереотипно, если не сказать карикатурно. Впрочем, как и русские – немцев», – добавил он сам себе.

Утром следующего дня был запланирован поход на рыбо-разводный завод, на ту сторону речки. Пошли пешком, потопали через деревянный мост, свесившись через перила, полюбовались темными тенями идущей вверх по течению рыбы. Берг шел с расчехленной фотокамерой.

За ними на почтительном расстоянии гарцевала на ободранных велосипедах стайка ребят лет восьми-деяти. Пацаны выписывали восьмерки, поднимали свои выдавшие виды транспортные средства на дыбы – в общем, всячески демонстрировали независимость, но следовали за приезжими неотступно до самого завода.

На проходной их встретил дед-вохровец, проводил к директору, Николаю Николаевичу Спасову – высокому сухощавому человеку. Лицо его походило на индейскую маску – с резкими морщинами на загорелой до черноты коже.

– Что же вы хотите снимать? – Директор сложил перед собой узкие ладони с сильными пальцами. – Вы ведь в географическом журнале работаете, так я понимаю? Пейзажи, природу?

– Да-да, и природу, конечно, – заторопился Берг. – Но люди мне также интересны, ваша работа, условия, в которых вы живете. Хотелось бы попросить кого-то рассказать о себе, если возможно, побывать дома – люди интереснее всего.

– Это верно, люди интереснее всего, – как-то странно усмехнулся Спасов. – О производстве вам главный технолог расскажет, проведет вас по хозяйству, я предупрежу. А про

людей... – Спасов нажал кнопку офисного коммутатора допотопной конструкции. – Рая, зайди ко мне!

Через две минуты дверь резко распахнулась и вошла высокая статная женщина в синем халате. Унылая спецодежда не могла скрыть великолепной фигуры с высокой грудью, тонкой талией. Чуть скуластое лицо с прямыми, вразлет бровями и легкими веснушками на носу, светло-зеленые глаза, пышные русые волосы рассыпаны по плечам – просто красавица.

– Это Раиса Яновна Венцель, мастер цеха, – представил Спасов красавицу, открыто любуясь ею. – Рая, вот познакомься, гости из столицы. Время будет, прими их дома, покорми, обласкай. Сергей-то когда возвращается? – каким-то ненатуральным тоном произнес директор.

– Через неделю, вы же знаете, Николай Николаич, – обожгла взглядом Рая.

– Ну вот и хорошо, стало быть, сможешь?

– Конечно, Николай Николаич, – еще раз полоснула взглядом красавица. – Сегодня у меня стирка, а завтра милости прошу.

– Ну, тогда проводи их до Галины Афанасьевны, а? Она ждет.

– Пойдемте, – не слишком приветливо махнула рукой Раиса.

Проведя приезжих длинными темными коридорами до двери с черной стеклянной табличкой «Главный технолог

Г.А. Спасова» и резко развернувшись, Раиса почти бегом отправилась назад. Берг проводил ее внимательным взглядом. Маша чувствовала себя не в своей тарелке – то ли от явной неприветливости Раисы, то ли оттого, что ее диковатая красота столь же явно поразила Берга. «Фифа какая!» – вполголоса пробормотала она и решительно постучала в дверь.

За обшарпанным столом сидела крошечная женщина в зеленой брезентовке и с нимбом коротких седых кудрей над головой.

– Здравствуйте, проходите! Спасов мне только что звонил, – быстро проговорила она. – Что вас интересует?

– Добрый день! – поклонился Берг. – Я – корреспондент журнала...

– Знаю-знаю, – перебила женщина. – Извините, времени на церемонии нет, самая работа. Меня зовут Галина Афанасьевна, вы – Андреас, так, да? А вы – Маша? Ну, пойдемте сразу по цехам, не будем отвлекаться, а чаем вас потом девчата напоят. – И как маленькая китайская петарда, она устремилась вперед. Берг, утяжеленный камерами и «разгрузкой», и еще не совсем проснувшаяся Маша понеслись за ней.

Маша примерно представляла, что их ждет, и в душе хихикала: как, интересно, воспримет реальность рыбозаводного процесса чистюля Берг.

Икру и молоку из пойманной живой («созревшей», сказала Галина) рыбы, слегка тяпнув ее по голове, чтобы не тре-

пыхалась, выдавливали буквально голыми руками в большие тазы, добавляли воды, размешивали, а затем распределяли икру тонким слоем по квадратным рамкам с натянутой на них сеткой. Затем рамки вставляли в металлические стойки-кассеты. Заполненную кассету краном опускали в проточную воду цеха. Процесс, мягко говоря, совсем не грациозный...

Но Берг в очередной раз удивил ее. Он не выражал никаких неофитских эмоций, внимательно слушал объяснения маленькой Галины Афанасьевны, кивая, зорко высматривал нужный кадр. И строчил, строчил своими камерами.

Через четыре часа, изучив досконально технологию сбора и оплодотворения икры лососевых, а также закладки ее в кассеты для последующего выращивания, забрызганные чешуей и намертво замёрзшие в продуваемых насквозь цехах, Маша и Берг вышли на белый свет.

– Вы как хотите, Андреас, а я бы вернулась в гостиницу, помылась бы, поела чего-нибудь и поспала хоть пару часов. А потом продолжим, ладно? – взмолилась Маша.

– Да-да, конечно, вам надо отдохнуть, – закивал довольный съёмкой Берг. – Я согласен.

Обратный путь показался им короче, верные спутники пациенты словно ждали их за мостом и сопровождали до самой гостиницы. Маша собрала полотенце, шампунь, мочалку и пошла в душ, мечтая об одном – согреться. Но горячий кран выдал лишь пару капель ржавчины и утробный звук.

Вспоминая все плохие слова, которые знала, Маша согрела допотопный электрический чайник и кое-как вымыла над раковиной голову. Вытираясь полотенцем, услышала плеск воды в душевой и обрадованно побежала в конец коридора. Но радоваться было нечему – горячей воды по-прежнему не было. Из кабинки бодро бубнил что-то по-немецки Берг. Маша представила, каково сейчас под холодным душем, и в ужасе вернулась в свою комнату пить чай.

Через полчаса в дверь деликатно постучал розовый Берг с мокрыми, гладко зачесанными волосами. Хохолок на затылке все равно упрямо торчал. Пошли в столовую, съели немудреный столовский обед.

Берг и сюда притащился с камерой и деликатно, не особо привлекая внимание, поснимал девчонок на раздаче, посетителей – малочисленный командированный люд. Отдельно снял рисованное цветными карандашами меню на стенке, на котором неизвестный художник изобразил тарелку с чем-то красным и большую рыбину с губами бантиком и женским глазом с длинными ресницами – улетная красота!

К вечеру потеплело, ветер утих. Маша и Берг, разморенные дневным сном, решили погулять вдоль берега моря. Солнце садилось за морскую даль, заливая расплавленным золотом неподвижную воду, каплями дробясь о скалистый берег. По полосе отлива идти было нелегко – под ногами пружинил толстый слой мокрых водорослей.

Между камнями кое-где сохранялись лу жицы морской

воды, в которых копошились какие-то мелкие существа. Чуть повыше лежала еще одна черная кайма – из уже высохших водорослей.

Но когда Маша, в надежде найти большую раковину морского гребешка, наклонилась и откинула пласт сухой ламинарии, в лицо ей брызнули мириады каких-то скакучих морских блошек. Берг, педантично повторявший все Машины действия, тоже получил порцию блошек в нос и испуганно отшатнулся. Маша захохотала, он тоже неуверенно захихикал.

Серые рубчатые скалы над пляжем становились все краснее от закатных лучей, кривые листовенницы, постоянным ветром ссутуленные в одну сторону, тоже стали из золотых красными. Маша и Берг шли все дальше вдоль берега, находя и показывая друг другу ракушки и камни, поднимая пласты водорослей. Берг то и дело шелкал камерами, то принимая к песку, то нацеливая объектив наверх, на скалы. Маша нашла красивый фарфоровый флакончик, занесенный песком, отмыла, Берг снял и его.

Какое счастье было в детстве найти в прибое что-то подобное – японскую пластмассовую куколку с полусмытым лицом, стеклянный шар-поплавок с рыбацких сетей, замысловатую бутылку...

Острый запах йода, рыбы, гниющих моллюсков не раздражал ее, наоборот, казался естественным. Привычная саднящая боль, которая все последние месяцы морозила и жгла из-

нутри, словно растаяла, осталось только детское ощущение соленой ямки от вырванного зуба. Хотелось даже полизать ее языком, чтобы скорее зажила. Маша запрокинула голову. В небе длинными алыми полотнами висели облака. Солнце совсем скрылось за морем, напоследок протянув по воде переливчатую темно-золотую дорожку. Резко стемнело, подул ветер.

– Пойдемте назад, Андреас, а то в тем ноте ноги собьем, – с сожалением предложила Маша.

– Да-да, я согласен, – закивал Берг.

Не прошли и пяти минут, как вдруг прямо в лицо им ударил мощный белый луч. Он словно дымился и жег глаза. Маша враз ослепла, споткнулась о валун.

– Внимание! Граждане на полосе прибоя, немедленно остановиться! Остановиться! – загремел усиленный мегафоном мужской голос.

Через секунду луч погас, но вечерние сумерки после него показались крошечной тьмой. Три тени – одна ближе, две чуть дальше – подошли. Ближняя взмахнула крылом:

– Старший пограничного наряда старший сержант Веденеев! – представилась юношеским баском. – Ваши документы, пожалуйста!

Маша вдруг с ужасом вспомнила, что свои паспорта они так в милиции и не получили.

Черт, теперь придется полночи объясняться с пограничниками, доказывать, что ты не шпионка.

– Товарищ старший сержант, мы только вчера прибыли, сдали паспорта на регистрацию, – заискивающе проблеяла она. – Я – корреспондент журнала «Информ» из Москвы Мария Зотова. А это коллега из Германии, корреспондент журнала «Интернэшнл джиогрэфик» Андреас Берг... У нас есть служебные удостоверения... Мы просто гуляли...

– Иностранец? Из ФРГ? – с усмешкой спросил басок. – Интересно, граждане! Придется пройти с нами. Тут все-таки погранзона, а не парк Горького.

– Но у нас есть аккредитация пресс-службы губернатора, – обрела голос Маша. – Есть разрешение на съемки! Мы же не тайком сюда приехали, нас проверяли на теплоходе и по прибытии...

– А вот мы сейчас и проверим все ваши аккредитации и прочее. – Сержант качнул автоматом в сторону своих спутников, и те молча заняли места за спинами Берга и Маши. – Следуйте за мной!

– Не волнуйтесь, Андреас, сейчас все разъяснится, – прошептала Маша.

Сержант среагировал мгновенно:

– А вот разговорчики попрошу отставить!

– Да что такое, товарищ сержант, вы с нами как с преступниками не разговаривайте, пожалуйста! – не выдержала Маша.

– Вы не преступники, а задержанные на территории погранотряда до выяснения личностей, – веско припечатал

старший.

Показалось Маше или нет, что за ее спиной пограничник слегка хохотнул?

– Не вольнуйтесь, Мария, – тихо проговорил Берг, – сейчас все выяснится, да-да.

Подворачивая ноги на камнях, оступаясь и шлепая в темноте по соленым лужам, они едва поспевали за сержантом, который ни разу не оступился и не разбрызгал воду. «В темноте он, что ли, видит, – со злостью думала Маша, – ведь по голосу слышно, что пацан, а как же ему нравится командовать. Тоже начальник!»

Поселок светился на склоне сопки разноцветными окнами, редкими фонарями. Но они миновали его под берегом, по крутой тропке выйдя прямо к зданиям погранзаставы. Сержант повел их не к длинному корпусу, где, как помнила Маша, находился кабинет командира, а к дальнему, такому же длинному зданию, в котором светились все окна и откуда, кажется, даже доносилась какая-то музыка.

Сержант обтер сапоги о железную решетку у крыльца и скрылся в доме. Через пару минут вышел не один. За ним на крыльце появился невысокий толстоватый человек в форменных брюках и офицерской рубашке, но без погон. Ворот был расстегнут, галстук снят с шеи и болтался на заколке. По всему было видно, что человек нетрезв и весел.

– Доставили? Ну, молодцы, свободны! – Он махнул рукой, и пограничный наряд тут же скрылся в темноте. – А вы, то-

варищи нарушители, следуйте за мной.

Маша поднялась по ступенькам и почувствовала, как Берг крепко сжал ее ладонь, успокаивая. Ей и правда от его теплой руки стало как-то спокойнее, она даже приготовилась сказать пару резких фраз.

Но тут распахнулась дверь, из которой на площадку вывалился шум-гам, ор какого-то певца, сигаретный дым – тут явно гуляли. В прихожей хозяин развернулся к ним лицом и крепко потер лоб растопыренной ладонью.

– Разрешите представиться: подполковник Зубенко Игорь Васильевич! – Круглое лицо, похожее на горсть мелочи, такое в нем все было маленькое и невыразительное, расплылось в улыбке. – Командир погранзаставы. Прошу ко мне в гости, простите, что пришлось так доставить! У супруги день рождения сегодня, очень просила вас найти, а вы пропали куда-то... Вот, пришлось наряд за вами высылать, уж не взыщите!

Маша уже набрала воздуха, чтобы высказать заготовленные фразы. Но тут из-за замызанной занавески, прикрывающей вход в комнаты, выскочила женщина, за ней теснились еще несколько, хохотали, что-то одновременно кричали. Женщина была высокая, яркая, как тропическая лиана. Всего в ней было с избытком: глаз, бюста, яркой косметики, волос в высокой прическе, украшений. И говорила она громко, быстро, не слушая никого:

– Ой, извиняюсь, проходите, пожалуйста! Я – Марина.

Игорек, ты чего гостей не приглашаешь в дом? Проходите, не стойте, что же вы, ой, я так рада, ужас просто! – Она подхватила Машу под локоть, быстро сняла с нее куртку, растопырив пальчики, попыталась снять с Берга тяжеленную «разгрузку», но не смогла, отступила, продолжая громко и напористо что-то говорить. Пахло от нее водкой, крепкими духами, потом, она тянула Берга за рукав, одновременно подталкивая в спину Машу, пока не втощила их в большую комнату, полную народа, шума и дыма.

– Знакомьтесь, – рубанул рукой сизый воздух хозяин. – Тут все свои, друзья, так сказать, наша интеллигенция.

В дальнем углу Маша увидела долговязого Нефедова, рядом с ним смуглое лицо и яркомые довые глаза его жены, Леры Исхаковой, помахала им приветливо.

– Я извиняюсь, что так все получилось, хоте ли вас заранее пригласить, да не нашли, – тараторила Марина, расталкивая народ и расчищая мес то за столом для Маши и Берга. – Садитесь, у меня рождение сегодня, так я и подумала, что надо вас пригласить, а то ж вы тут никого не знаете, тоска же в гостинице вечером! А вы посидите с людьми, выпейте, закусите, и нам интересно с журналистами, да еще заграничными... Садитесь!

Машу и Андреаса затолкали за стол, стиснули, поставили перед ними тарелки, стопки. Со всех сторон тянули бутылки, блюда с наполовину съеденными закусками. Здесь тоже была рыба во всех видах, глубокая тарелка с икрой, какие-то

салаты...

На лице Берга замешательство боролось с привычной вежливостью. Маша решительно стала накладывать на его тарелку закуски. Себе тоже насыпала всего – лишь бы остановить этот приступ гостеприимства.

– Тихо, тихо там! – застучал вилкой по стакану хозяин. – Налейте! Давайте выпьем за гостей, которые прибыли на наше торжество. Честь, так сказать, и тэ дэ. Марин! Давай скажи!

– А чего, – хихикнула Марина. – Ты ж все сказал, давайте выпьем за гостей из далекой Москвы и еще более далекой Германии. Вы к нам надолго? Фотографировать будете нас?

«А то ты не знаешь, – враждебно подумала Маша. – Раз уж твой муж нас с берега моря достал и под конвоем доставил, можно подумать, ему вся наша подноготная неизвестна». Но встала и, взяв в руку мокрую от переливающейся через край водки стопку, с любезной улыбкой произнесла:

– С днем рождения, Марина, желаем вам здоровья, благополучия и всеобщей любви, которую, как мы видим, к вам и так все питают!

– Ой, спасибо! – махнула рукой с устрашающе красными ногтями Марина и залпом выпила полстакана водки. Даже не изменившись в лице, заворковала: – Да вы кушайте, кушайте, мы уж и горячее ели, догоняйте! Полин, музыку давай!

Опять грянули какие-то шлягеры, модные в прошлом году, разгоряченные гости пустились в пляс.

Маша видела, как Берг потихоньку разглядывает разномастную публику, и ей опять стало отчего-то стыдно. Она рассердилась на себя за это чувство: «Подумаешь, если иностранец, так мы должны перед ним стелиться?»

Ей показалось, что Берг тут же все понял: и ее мгновенный стыд, и злость на саму себя, даже стыд за то, что стало стыдно. Он аккуратно ел, приветливо улыбался в ответ на взгляды, которые, не стесняясь, вперяли в него поддавшие гости.

По-настоящему Маша испугалась, когда из визжащей толпы к ним ринулась еще одна яркая дама. Тонкая, гибкая, гладкой темной головкой, узко подведенными глазами и блестящим зеленым платьем, видимо, не без расчета напоминающая какую-то экзотическую змею. Извиваясь всем телом и делая какие-то странные пассы длинными руками, она подошла вплотную к Бергу и хрипловатым голосом произнесла: «А позвольте вас пригласить на танец?» Берг, широко улыбаясь, встал, поклонился и учтиво подал «змее» руку. Она победно посмотрела на толпу и двинулась на середину.

– Как ваше имя? – великосветским тоном громко спросила она, вихляясь всем телом, вполне, впрочем, пластично, отметила Маша.

– Андреас Берг, к вашим услугам! – старомодно отрекомендовался немец. – А как зовут вас?

– А меня зовут Виктория! – еще громче и с вызовом вдруг

сказала дива. – Знаете, почему?

Я родилась девятого мая! Это вам о чем-нибудь говорит?

– О, конечно! – Берг не выказал ни тени смущения. – В честь победы над гитлеровской Германией? Это имя вам подходит. Очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.